

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ЯЗЫК И КУЛЬТУРА

Сборник статей
XXX Международной научной конференции
(16–19 сентября 2019 г.)

Ответственный редактор
доктор педагогических наук, профессор *С.К. Гураль*

Томск
Издательский Дом Томского государственного университета
2020

Е.В. Вычужанина

Национальный исследовательский Томский государственный университет

**Социолингвистическая модель вежливости П. Браун
и С. Левинсона: критика евроцентричности
и кросс-культурный потенциал**
**Sociolinguistic theory of politeness of P. Brown and S. Levinson:
critique and cross-cultural perspective**

Аннотация. В статье рассматривается социолингвистическая теория вежливости П. Браун и С. Левинсона, которая уже более сорока лет является самой популярной и продуктивной при изучении феномена вежливости. Автор рассматривает некоторые принципы теории П. Браун и С. Левинсона в свете кросс-культурных исследований и делает выводы о претензиях данной теории на универсальность.

Abstract. This paper is devoted to the issues of the study of the sociolinguistic theory of politeness. P. Brown and S. Levinson's theory of politeness has been the most popular and effective in studying politeness for more than forty years. The author of the paper considers the basic features of the theory in terms of cross-cultural research and draws a conclusion about the universality of this theory.

Многие исследователи отмечают связь языка и миропонимания людей. В. фон Гумбольдт писал, что «в каждом языке заложено самобытное мирозерцание» [1. С. 80]. Оно отражает действительность и проявляется в языке, и с особой яркостью в коммуникативном поведении людей. Большой интерес для разработки теории вежливости представляют кросс-культурные исследования для обнаружения универсальных и специфически национальных характеристик феномена вежливости.

Евроцентричность модели вежливости П. Браун и С. Левинсона – один из самых дискутируемых вопросов в современной социолингвистике. Авторы утверждают, что их универсальная модель объясняет кросс-культурные схожести, которые лежат в основе вежливого общения представителей любой культуры [2]. Однако, во-первых, существует проблема определения самого термина «вежливость» в современной социолингвистике [3]. Во-вторых, границы теории П. Браун и С. Левинсона остаются размытыми, так как авторы не раскрывают в полной мере, что они имеют в виду под «культурой». Вместо этого

они пользуются описательными конструктами относительно, например, географии проживания респондентов («жители Запада»), их этнической принадлежности («чернокожие Нью-Йорка») или их принадлежности к какой-либо гендерной группе, языковой или социальному классу [4. С. 160].

Пожалуй, первые, кто высказал критику в адрес теории П. Браун и С. Левинсона, были японские лингвисты. Они считают, что вежливость – это неотъемлемый элемент японского языка. Ю. Мацумото и С. Идэ независимо друг от друга провели масштабные исследования вежливости на материале японского языка в конце 80-х годов XX века. Они тестировали модель вежливости, чтобы показать, что не все социальные группы и национальности прибегают к тем же стратегиям вежливости и одинаково трактуют понятие лица. С. Идэ и Ю. Мацумото настаивали на том, что японский язык вежливости – это уникальная система, которая не подпадает под схему универсальной теории вежливости [5, 6]. П. Браун и С. Левинсон определили японскую культуру как принадлежащую преимущественно модели, базирующейся на негативной вежливости («negative politeness' oriented») [2. С. 245]. На что Ю. Мацумото и С. Идэ возражают, что концепт негативного лица в японской культуре как желание не встречать помех и вмешательства в свои действия со стороны других участников интеракции не имеет места быть. С. Идэ говорит, что отличительной характеристикой японцев является ощущение их места и роли в данной ситуации относительно социальных конвенций. Это чувство известно как *wakimae*, распознавание, пронизательность, умение различать.

Китайские исследователи подвергают критике интерпретацию «лица», которую предлагают П. Браун и С. Левинсон. Ж. Гу и Л. Мао объясняют, что негативное лицо в китайской культуре подвергается угрозе, когда то, что совершил индивидуум, навлечёт на него дурную славу или репутацию [7, 8]. Более того, они утверждают, что вежливость взаимоотношений – не инструмент и не стратегия, а норма. По их мнению, «вежливость это феномен, принадлежащий слою общества, которое одобряет нормативные ограничения, накладываемые на каждого его члена» [7. С. 242]. Примечательно, что в своих кросс-культурных исследованиях китайцы предпочитают опираться на максимы Дж. Лича, называя его модель универсальной, а не на теорию вежливости П. Браун и С. Левинсона. Ж. Гу расширяет, добавляет и конкретизирует речевые максимы Дж. Лича, описывая феномен веж-

ливости в китайской культуре [7]. Они обычно рассматривают *limao* (вежливость) как социальный феномен, который, во-первых, поддерживает гармоничные межличностные отношения и, во-вторых, является конвенциональной нормой поведения [9. С. 848].

О. Г. Нвойе так же, как Ю. Мацимото и С. Идэ, отмечает, что понятие лица по П. Браун и С. Левинсону, особенно что касается негативного лица, не применимо к языку игбо (Igbo, Nigeria). Наиболее подходящее понимание лица в этой культуре – это лицо группы. Автор определяет вежливость как «хорошее поведение» (*ezigbo omume*), т.е. избегание поведения, которое способно повредить социальному имиджу индивида или уязвить чувство достоинства группы, продиктованное страхом перед *imecu iru* (потемнение лица) [10]. О. Г. Нвойе говорит, что в игбо лицо имеет два аспекта – групповое и индивидуальное; основная забота в культуре игбо о коллективном образе группы, а не образе себя самого. Многие действия, которые будут рассматриваться в Западных обществах как угроза лицу вследствие навязывания каких-либо мнений или поступков, в обществе игбо расцениваются иначе.

Ю. Мацумото описывает некоторые различия между Западной культурой (от которой отталкивается модель Браун и Левинсона) и японской. Она делает вывод, что для японца по-настоящему значима не его собственная территория, или «оболочка», а то, какую позицию по отношению к другим членам группы он занимает и как другие его воспринимают. Потеря лица тесно связана с тем, как его воспринимают другие, с тем, что человек не понял и не признал структуру и иерархию данной группы. Следовательно, и понимание социального лица в японском обществе принципиально отличается от того понимания, которое заявляется у П. Браун и С. Левинсона как универсальное [11. С. 405]. В частности, это могло бы поставить под сомнение само существование негативного лица, поскольку больший акцент ставится на взаимной зависимости и коллективности, желание не быть побеспокоенным другими уступает желанию поддерживать отношения в группе. Следовательно, знание о культурных нормах оценивается согласно тому, как компенсируются или смягчаются ликоугрожающие акты (FTA). А С. Идэ утверждает, что люди определённой культуры выбирают стратегии вежливости согласно культурным ожиданиям и требованиям [5]. Поэтому выводы, сделанные в результате этих исследований вежливости в японской культуре, прямо про-

тивоположны утверждению Браун и Левинсона об универсальности стратегий.

Разумеется, разные культуры демонстрируют разные подходы относительно норм коммуникации. Б. Пиццикони говорит, что все эти варианты требуют оценки относительно того, насколько, например, близко один коммуникант может приблизиться к другому (и физически, и эмоционально) и насколько заинтересованным и внимательным он должен себя показать, чтобы компетентно и успешно функционировать в конкретном социальном контексте. Личные убеждения, отношения, идеология индивида и даже его видение самого себя оцениваются посредством тех ориентиров, которые существуют в обществе относительно своего и чужого аспектов позитивного и негативного лица [12. С. 1499]. Б. Пиццикони соглашается с С. Идэ и Ю. Мацумото, когда те говорят, что в японском языке коллективное берёт верх над индивидуальным. Здесь же Б. Пиццикони делает интересный вывод, что в японской культуре для сохранения лица важнее знание социальных норм, чем искусное умение смягчить ликоугрожающий акт (FTA). Несмотря на это, отмечает Б. Пиццикони, членам японского сообщества необходимо знание о негативном и позитивном лице, чтобы использовать правила интеракции надлежащим образом.

П. Браун и С. Левинсон сделали подобное же предположение, заявляя, что культурные специфические использования будут варьироваться, а лежащие в их основании принципы универсальны [2]. Такой взгляд предполагает, что, хотя реализации стратегий могут различаться в разных обществах, концепт лица в контексте социальных взаимодействий применим ко всем культурам.

Итак, мы рассмотрели основные аргументы, выдвинутые против теории вежливости П. Браун и С. Левинсона, которые затрагивают как её принципы, так и выводы: теория имеет характер явно этноцентрический и отталкивается от западной поглощённости индивидуальным как центрального фактора, объясняющего человеческую деятельность. Тем не менее, в качестве инструмента социолингвистического исследования и разработки теории вежливости/невежливости модель П. Браун и С. Левинсона определённо заслуживает внимания. Она не только описывает, что происходит, когда человек ведёт себя вежливо, но также пытается объяснить, почему подобное поведение имеет место быть и как оно коррелирует с понятием лица.

Литература

1. Гумбольдт В. фон. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества // Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984. С. 37–298.
2. Brown P., Levinson S. Politeness: Some Universals in Language Usage. Cambridge: Cambridge University Press, 1987.
3. Вычужанина Е.В. Проблема определения вежливости в современной социолингвистике // Язык и культура : сборник статей XXVII Международной научной конференции (26–28 октября 2016 г.). Томск: Издательский Дом ТГУ, 2017. С. 83–87.
4. Eelen Gino. A Critique of Politeness Theories. Manchester: St Jerome Publishing, 2001.
5. Ide Sachiko. Formal Forms and Discernment: Two Neglected Aspects of Universals on Linguistic Politeness // Multilingua. 1989. № 8 (2-3). P. 223–248.
6. Matsumoto Yoshiko. Politeness and conversational universals. Observations from Japanese // Multilingua. 1989. № 8. P. 207–222.
7. Gu Yueguo. Politeness Phenomena in Modern Chinese // Journal of Pragmatics. 1990. № 14. P. 237–257.
8. Mao LuMing Robert. Beyond politeness theory: «face» revisited and renewed // Journal of Pragmatics. 1994. № 21. P. 451–486.
9. Zhu Jiang, Bao Yuxiao. The Pragmatic Comparison of Chinese and Western «Politeness» in Cross-Cultural Communication // Journal of English Teaching and Research. 2010. Vol. 1, № 6. P. 848–851.
10. Nwoye G. Onuigbo. Linguistic politeness in Igbo // Multilingua. 1989. № 8. P. 259–275.
11. Matsumoto Yoshiko. Re-examination of the Universality of Face: Politeness Phenomena in Japanese // Journal of Pragmatics. 1988. № 12 (4). P. 403–426.
12. Pizziconi B. Re-examining politeness, face and the Japanese Language // Journal of Pragmatics. 2003. № 35 (10-11). P. 1471–1506.

Н.Д. Горшкова

Новосибирский государственный технический университет

Языковые тенденции названия новых профессий Linguistic trends for giving names to new jobs

Аннотация. В статье автор, обращаясь к историческим, литературным и медийным примерам, рассуждает о социальных процессах, затрагивающих формирование названий современных профессий в русском языке, лингвистических аспектах этого явления и влияние на него англоязычных заимствований.